

Громова Анна

г. Уссурийск, МАОУ СОШ №25, 11 класс

**Рецензия на спектакль «Можно попросить Нину?» Приморского
краевого театра кукол, г. Владивосток**

Режиссер-Виталий Дьяченко

Специфика театра кукол зачастую позволяет убедительно раскрывать откровенные темы. «Можно попросить Нину?» Виталия Дьяченко-пример постановки, после просмотра которой особенно в этом убеждаешься. Выражение идей через разные форматы и техники, демонстрация действий от первого лица-инструменты режиссера для создания спектакля, благодаря чему в результате достигается метафоричность и проникновенность зрителя судьбами героев произведения.

Конечно, первое, что хочется разобрать в постановке-техника её создания. Многие режиссерские решения восходят к «кинофикации» А. Пиотровского: главная функция перехода к такому формату-имитация хрупкости как реального мира, так и художественного, что замечает Лидия Василенко, директор театра: «Реальность начинает просвечиваться сильнее». Такой эффект достигается с помощью демонстрации зрителю процесса возведения художественного мира. Сценическое пространство произведения в первой части спектакля-словно выстроенная из сценографических макетов квартира героя-рассказчика, Вадима Николаевича, по обе стороны от сцены-актеры, озвучивающие персонажей. Параллельно сценическому действию ведется съемка и её воспроизведение на экране. Всё это происходит на глазах у зрителя, он видит, как создаётся созерцаемый им мир, отчего появляется осознание его хрупкости, что особенно необходимо для раскрытия тематики произведения.

Режиссер обращается к видеотеатру, в чем и прослеживается одно из технических начал «кинофикации». Использование такого формата позволяет интегрировать в постановку различные приемы, с помощью которых достигается выразительность повествования и откровенность со зрителем.

Съемка происходит от первого лица Вадима Николаевича, по воле случая дозвонившегося до девочки из блокадного Ленинграда. Для создания сцены телефонного разговора героев используется исключительно формат съемки: до момента кульминации всё, что видит зритель-передвижение из одной комнату в другую. Основной вес в этих сценах составляет аудиоматериал, однако из того, что видно на экране, можно немало сказать о герое. Детали интерьера его квартиры свидетельствуют как об отличной от его собеседницы эпохе, в которой живет Вадим Николаевич, так и о его натуре. Из разговора выясняется, что он искусствовед, специализирующийся на Венгрии. Раньше него об этом говорит убранство его кабинета: лежащая на столе книга «Изобразительное искусство Венгрии» Александра Губера, «Венера» Михаила Ларионова у дивана, на которую он заглядывается во время телефонного звонка. О времени действия же свидетельствует висящая на стене афиша фильма «Солярис» Андрея Тарковского-свежая премьера 70-х. Однако когда герой понимает, что между ним и собеседницей разрыв в тридцать лет и она находится в оккупированном Ленинграде, видеосъемка начинает обретать метафорические черты.

Вадиму Николаевичу, услышавшему, что на календаре у девочки декабрь 41-го, видится холодная квартира, заваленная снегом. В этот момент из кадра исчезает цвет. Это не последний раз, когда в постановке прибегают к черно-белому изображению, так что можно рассмотреть это с точки зрения «цветовой драматургии»: монохромные кадры появляются в напряженные моменты, и на контрасте с цветными они выглядят особенно трагично.

Далеко не весь спектакль сделан в формате видеотеатра. Когда межвременной звонок прерывается, экран убирают со сцены. Больше мы не

видим квартиру Вадима Николаевича: вместо этого на сцене появляется массивная кукла Нины, укутанная в несколько слоев одежды. Далее последует метафорическая сцена о её судьбе, однако для чего был необходим переход от видеотеатра к классическому формату? Благодаря съемке зритель мог видеть действие глазами главного героя. Следующие за разговором события же, естественно, ему не видны, однако у этого есть и свой смысл. Для того чтобы понять, к чему это, необходимо разобрать также и сюжетную составляющую спектакля.

«Умерли все, осталась одна Нина»

Сюжет постановки можно разделить на два пласта. Первый, самый ярко считываемый-история о людях во время блокады Ленинграда.

В спектакле особенно подчеркнут трагизм судеб тех, чьи жизни затронуло это историческое событие. Если в рассказе Булычева у Нины жива семья, то в постановке она сирота. Так, она говорит Вадиму Николаевичу, что её мама ушла по делам, однако далее выясняется, что у неё никого не осталось. Вплетается в судьбу Нины история Тани Савичевой: героиня точно так же, как и реальная жертва блокады, перечисляет своих погибших близких и даты их смерти и оканчивает рассказ фразой «умерли все, осталась одна Нина». Такое драматургическое решение сближает фантастический сюжет с реальной жизнью, в чем также отражается трагичность блокады.

Главный герой тоже переживал это событие. О том, как оно коснулось его судьбы, почти ничего не сказано, но из одной сцены ясно, что для него это также было тяжелое испытание судьбы. Вадим Николаевич вспоминает, что в свое время потерял хлебную карточку, и, чтобы помочь Нине, рассказывает о том, как её найти. В это время на экране демонстрируется стоп-моушн: кадры редкие, почти не сменяющие друг друга, на которых показана драка, в результате которой герой теряет карточку. Сопровождает действие медленная музыка, изображение черно-белое. Это уже вторая сцена в монохроме, что подтверждает идею об использовании «цветовой драматургии» для передачи

драматизма ситуации. Все упомянутые выше приемы создают атмосферу тревоги от потери хлебной карточки, смутность воспоминаний, общий тон которых беспокойный, что также передает мысль о трагичности этого события.

Также к теме блокады можно сказать об образах, появляющихся в сцене после телефонного разговора. На сцене массивная кукла, одетая в шаль и несколько курток. Она томно вздыхает у трубки телефона, как вдруг-глаза закрываются, и из неё, как из-под завалов, выползает сравнительно маленькая кукла. Как говорят сами артисты, «летняя Нина». Этот образ-метафора души девочки, безвременная, не тронутая событиями войны. Словно мелом на асфальте, она рисует на сетке, вертикально протянутой через сцену, цветок. Он ещё появится далее, но на данный момент этот эпизод показывает четкий контраст, доказывающий ужасы войны: опыт переживания такой трагедии-тяжелая ноша, сдавливающая невинную душу ребенка, фантазирующего, радующегося и надеющегося на счастье.

«Просто убедиться»: как происходит размывание границ «своего» и «чужого»:

После разбора того, как раскрывается в постановке тема блокады, можно перейти к психологическому пласту сюжета. Ключевое событие рассказа Кира Булычева-герой из будущего помогает девочке в блокадном Ленинграде, с которой случайно связывается по телефону, благодаря чему она выживает. В исходном произведении мы практически ничего не знаем про прошлое Нины: знаем только её текущее положение. В постановке же расширяются границы рассказа и широко встает вопрос об ответственности человека за помощь другому.

Вслед за тем, как «летняя Нина» рисует цветок, начинается сцена, показывающая, как девочка жила в довоенное время и как её настигла трагедия. Всё происходит очень быстро, повествование утрированное, что навеивает ассоциации с немым кино. Кстати, здесь цвета, в противовес

блокадным сценам, наоборот, очень яркие: вспышки синего, розового-имитация детского восприятия мира, когда всё вдохновляет и заставляет радоваться. Рядом с Ниной родители, они смеются, папа держит в руках подсолнухи-тот же цветок, который рисовала героиня. Вдруг звучит сирена, близкие поочередно уходят от неё. Они покидают Нину, каждый оставляет за собой цветок. Как символ жизни и надежды, как напоминание, что она сможет выдержать эти испытания судьбы, ведь в неё верят.

Вся эта сцена является метафорой внутреннего мира девочки. Неспроста её мы видим не глазами Вадима Николаевича. Таким сценическим решением обращается внимание на то, что, кем бы ни был человек по ту сторону телефона, его жизнь-это целая вселенная. Да, мы никогда не сможем полностью убедиться в этом, поэтому принятие такого факта как должного, уважение к этому «миру» демонстрируют истинную человечность.

Когда обрывается связь, герой начинает искать номер Нины. Доходит до того, что он едет в дом, который она упоминала. Вновь выдвигается экран, на котором снята его спешка, также вызывающая ассоциации с неммым кино. Всё это Вадим Николаевич делает, приговаривая «просто убедиться». Он пустил девочку в свою душу, и теперь её ситуация-часть его самого. Подчеркивает эту мысль финальная сцена: «летняя Нина» сидит в поле подсолнухов, и туда выходит герой. Это единственный раз за весь спектакль, когда зритель видит его лицо. Вадим Николаевич понимает, что своим поступком он прикоснулся к чужому «миру»: он взял ответственность за её судьбу, ведь он дал ей надежду на спасение, сказав про хлебную карточку. Благодаря этому следом за родительскими цветами проросли новые, в чем и заключается результат трансформации «чужих» проблем в «свои».